

6. 10. 03

Чурикова Инна

«Может быть, сейчас не очень хороший период для искусства. Есть вещи, которые меня совершенно не радуют, – это общий невысокий вкус, проявляющийся в том, что сейчас считается модным».

Первая актриса Театра Ленком

Инна ЧУРИКОВА

и накануне своего юбилея убеждена, что ни опыт, ни известность не защитят от провала

КАЖДЫЙ РАЗ КАК В ПРОПАСТЬ

Моск. новости – 2003-30
сеп. – 6 окт. – с 19.

СОБЕСЕДНИК

Инна Чурикова – из породы тех, про которых Островский говорил: «Чтобы был театр, нужна актриса». Знаменитый захаровский Ленком такой, какой есть, потому что вот уже тридцать лет она там работает. На этой сцене она сыграла Неле из «Тили», с которого начался нынешний Ленком, Офелию и Гертруду, Сарру и Аркадину, Комиссара и героиню в спектакле «Три девушки в голубом» – манифесте нового театра восьмидесятых. А вообще в большое искусство она ворвалась в буквальном смысле слова на метле бабы-яги – такой ее впервые увидел зритель в фильме Глеба Панфилова «Начало». После него принципиально непохожую на голливудских звезд Чурикову читатели «Советского экрана» признали лучшей актрисой года. Все ее роли в фильмах Панфилова были не просто художественным откровением – они будоражили мысль, нравственное чувство общества. Увы, она так и не сыграла Жанну д'Арк, о чем они мечтали долгие годы, да и вообще давно у Панфилова не снималась. Времена большого кино прошли. Зато каждый месяц актриса выходит на сцену театра Марка Захарова, где в октябре – сразу два юбилея. Накануне с Инной ЧУРИКОВОЙ встретилась обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

– Вы только что вернулись из Санкт-Петербурга, где вместе с Зинаидой Шарко и другими актерами играли спектакль «Старая дева». Много работаете в антрепризе?

– Нет, немного. Главное для меня – интересный драматургический материал. Все персонажи пьесы Надежды Птушкиной «Глока она умирала...», по которой поставлен наш спектакль, – участники одной, абсолютно диккенсовской истории. Они придумывают себе жизнь, верят в нее, и их жизнь действительно становится интересной. Такой своего рода рецелт бытия. И еще есть один спектакль – «Смешанные чувства» режиссера Леонида Трушкина. Он про нас, про людей моего возраста. Я там играю вместе с Геннадием Хазановым – думаю, он удивит своих поклонников, так как предстанет перед ними глубоким драматическим актером, в котором есть что-то чаплинское. И у него такая жажда работы! Трушкин одержим идеей создать настоящий антрепризный театр, когда не надо ни у кого просить денег, а можно их самим зарабатывать и тратить по своему усмотрению. Так что всего две работы сейчас не в Ленкоме, а главное, конечно, здесь. Даже страшно, как быстро пробежало время. Подумать только – в этом театре я работаю уже больше тридцати лет, а Марку Захарову исполняется семьдесят. Мне кажется, он печальный ходит – никак не может в это поверить.

– Ленком – удивительный театр. Меня всегда поражало, что здесь даже звезды не ропщут, подолгу ожидая ролей.

– Нет, наверное, все-таки ропщут, но про себя. Включают разум – ведь на все должно быть желание, интерес и воля режиссера. А нас, актеров, у него много. Да и как роптать – вот моя последняя работа с Захаровым «Город миллионеров»...
– Но режиссер там Роман Самгин?
– Самгин работал с нами, но

постановка-то все равно Захарова, причем абсолютно нетипичная для него. Он всегда что-то необыкновенное придумывает: то потолок опускается, то пол поднимается, то еще какой-нибудь необычный трюк...

– Да, у него всегда шкатулка с сюрпризами.

– Вот именно. А в «Городе миллионеров» совершенно простой мир, наполненный юмором, бытовыми радостями и горестями. Это самое трудное – говорить просто, естественно, но так, чтобы волновало. Почему любому актеру необходимо играть? Потому что каждый раз ты начинаешь с абсолютного неведения, ты ничего не знаешь про человека, о котором собираешься рассказать. Так и мы с Арменом Джигарханяном ничего не знали про Филумену Мартурано, хотя, конечно, видели фильм с Софией Лорен, читали пьесу. Но как банальность – историю бывшей проститутки – сделать трагикомедией? Каждый раз в начале репетиций и страшно, и интересно, как будто в пропасть прыгаешь. Ни опыт, ни известность не защитят тебя от провала, если ты сам не разгадаешь своего героя. Я так рада, что Захаров спокойнo, тихо, с каким-то особым вниманием к этой пьесе отнесся. Он, конечно, диктует свою волю, но когда ты понимаешь, что он прав, то ничего, кроме благодарности, не испытываешь. В «Городе миллионеров» у нас долго что-то не получалось, фантазия не просыпалась, просто вошли в штопор. Пришел Марк Анатольевич и буквально в двух словах решил сцену: герой Джигарханяна – это настоящий вулкан, он бушует, кипит, а Филумена абсолютно спокойна и так тихо говорит свой монолог, что даже зрителю надо прислушиваться. И сразу возникло напряжение борьбы двух характеров.

– А случилось так, что Захаров был вами недоволен?

– Помню, в «Тиле» он хотел, чтобы я постоянно двигалась. Там все было в движении. А я очень статично играла, просто вращалась в пол, мне казалось, что я существую отдельно, в особом замедленном, плавном ритме. И потом он вдруг перестал меня перемещать, то есть согласился с моим ощущением роли. А еще... Когда мы, актеры, работаем, то все как бы раздеты. Вот у меня бабушка долго не получалась в спектакле «Варвар и еретик» по «Игроку» Достоевского. Захаров и так мне объяснял, и этак – ничего не выходит. Причем у всех вокруг все отлично, а у меня нет – и вот пошла работа с одной артисткой. Это такая профессия: ты каждый спектакль должен заново доказывать, что ты актер. И никакие предыдущие заслуги тут не учитываются.

– В молодости было легче доказывать или труднее?

– Сейчас я знаю некоторые профессиональные секреты, которых раньше не знала и действовала интуитивно. Но тем не менее понять другого человека – это всегда сложно. И это очень длительный процесс – у меня, во всяком случае. Иногда понимание приходит много позже премьеры. Помню, я переживала очень печальную ситуацию и была так выбита из колеи, так измотана, что в таком состоянии и

Аркадина – в «Чайке»

пришла играть Сарру в «Иванове». Не смогла справиться с собой, этот настрой во мне остался на сцене. И хотя в первом акте Сарра еще пытается радоваться, хватается за Иванова, как за соломинку, у меня уже ни на что не было сил. Все делала как неживая. И вдруг почувствовала – да как же меня зритель слушает! И поняла, как на самом деле надо играть эту роль.

– Возможно, я на этом спектакле и была, потому что считаю вас непревзойденной Саррой: по трагической глубине вы ни в чем не уступали герою – Евгению Леонову.

– Увы, от театра ничего не остается, как и от нашей жизни. Такое вот ни на что не похожее искусство.

– В театральной Москве, где, как грибы, растут новые и малые сцены, где афиша обрушивает на зрителя множество новых названий, Ленком выделяется тем, что упрямо выпускает одну премьеру в сезон. Хотя всегда заметную.

– У нас авторский театр, а автор не может печь премьеры, словно блины. Это как ребенок – его надо выносить, родить в муках, вырастить. Более того – Захаров действительно мучается, страдает, ему все кажется, что может быть, получается не то, не так, он очень много в каждую свою работу вкладывает. Как бы он себя ни чувствовал, все равно азартно и увлеченно работает утром и вечером, никогда не опаздывает, чего требует и от нас. Как-то я спросила у одного режиссера: «А почему вы не хотите с нами остаться, нам же еще играть ваш спектакль?», – а он мне ответил: «Не могу, мне надо деньги зарабатывать». Вот такого ответа от Захарова никогда не услышишь, в этом театре – другая история. Работа с ним – она подробная, необычайно щедрая с его стороны, и актеры это ценят.

– Не все: ушла же из Ленкома Амалия Мордвинова, которой Захаров подарил сказочную роль в «Королевских играх».

– Думаю, жалеет об этом до сих пор. Вот эта примерка – стол, стул.

Нилова в фильме «Мать»

Временное жилище, потому что все мы временные гости. Здесь жили Татьяна Ивановна Пельтцер, Вера Марковна Орлова, Елена Алексеевна Фадеева, здесь сидела Гиацинтова. Вынь это из моей жизни – и мне будет очень плохо.

– Что планирует ставить Захаров в новом сезоне?

– «Последнюю жертву» Островского.

– У вас там есть роль?

– Нет.

– А в новом фильме Глеба Панфилова?

– Панфилов собирается снимать «В кругу первом» Солженицына. Уже написан сценарий. Для меня там есть роль жены заключенного Герасимовича, которая приходит к мужу на свидание, – роль небольшая, но фантастически написанная. Такой необычайно мощный эпизод. Эта женщина уже не может зацепиться за жизнь: ее муж сидит – и все для нее потеряло смысл. У Солженицына замечательно точные психологические подробности.

– Где вам сейчас интереснее как зрителю – в кино или театре?

– В театре интереснее. И как зрителю, и как актрисе. От многих предложений сниматься я отказываюсь, хотя работа в телесериале «Идиот» режиссера Владимира Бортко была замечательной. А успех фильма у зрителей обнадеживает: значит, пришло время, мыльные оперы и бесконечные бандитские саги телеаудитории начинают надоедать. Моя соседка преподает историю в школе, так она мне говорила, что во время показа там учителя и ученики только об «Идиоте» и говорили. Представляете – ученики! Книга Достоевского исчезла с полок библиотек и магазинов. Даже Броневой мне сказала: «Посмотрел фильм – и перечитал роман, интересно стало».

– Генеральша Епанчина (за эту работу вы только что получили национальную телевизионную премию ТЭФИ-2003) у вас вышла более трогательной, наивной и доверчивой, чем ее обычно играют, – в чем-то она даже похожа на Мышкина.

– Все это написано у Достоевского, я ничего не придумала. Она очень наивная – дочка над ней подтрунивают, но может быть и властной, вздорной. У нее грандиозное чутье на людей, она их насквозь видит, почему и Мышкина как мать приласкала. Мы очень быстро снимали, а хотелось бы – не быстро. Осталось много недосказанных нюансов, подробностей. Я первый раз играла с Евгением Мироновым, и он стал мне близким человеком. Женя – глубокий, тонкий актер, а поговорить с ним – просто меду испить. Теперь обязательно буду смотреть все его работы.

– В последнем спектакле Захарова «Плач палача» едва ли не более всего остального потрясает ощущение личной авторской боли от того, что происходит вокруг, незащищенности человека в сегодняшнем мире, его уязвимости. Там очевидно трагическое восприятие современной действительности. У вас оно такое же?

– Пожалуй, нет. Я вглядываюсь – и не воспринимаю окружающий мир столь драматично. Я понимаю, что это некое движение, рождение – несмотря ни на что – каких-то новых отношений, новой жизни – не той, в которой мы жили и воспитывались. Может быть, сейчас не очень хороший период для искусства. Есть вещи, которые меня совершенно не радуют, – это общий невысокий вкус, проявляющийся в том, что сейчас считается модным, в том, что смотрят, слушают. Но тем не менее работают замечательные молодые, талантливые музыканты, актеры. Существуют, наконец, зрители – можно не верить зрителю вообще, это даже считается хорошим тоном у некоторых, но нельзя в том же Питере было не видеть, как зрители радуются, смеются, как они дышат вместе с тобой. Казалось бы, незатейливая пьеса, сказка: люди жили в одиночестве, а потом вдруг соединились, нашли друг друга. И волна радости в зале. Подобные вещи не зависят от политической или общественной ситуации, они будут всегда.

Валерий Кузнецов